

Научная статья

УДК 94(470.63):281.93

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.2.11>

ПРАВИЛА И ПРАКТИКА РАБОТЫ ЕПАРХИАЛЬНОГО МИССИОНЕРА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ)

Павел Григорьевич Немашкалов^{1*}, Виктор Павлович Ермаков²,
Виктор Васильевич Мельников³

¹ Ставропольский государственный педагогический институт (д. 417 «А», ул. Ленина, 355029, Ставрополь, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, доцент

paul_2@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0874-3661>

² Пятигорский государственный университет (д. 9, пр. Калинина, Пятигорск, 357532, Российская Федерация)

Кандидат исторических наук, профессор

history@pgu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8906-3774>

³ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Кандидат исторических наук, доцент

vivmelnikov@ncfu.ru; <https://orcid.org/0009-0009-4338-8619>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Статья посвящена организации работы епархиального миссионера в конце XIX – начале XX вв. на примере Ставропольской епархии. В рамках исследования проводится анализ нормативной базы определяющей основу миссионерской деятельности. Рассмотрены проблемы и трудности в организации института епархиальных миссионеров. Показана противоречивость их деятельности, вносившая нестабильность в организацию профилактики раскола и сектантства. **Материалы и методы.** Статья написана с учетом принципа объективности и историзма, использованы методы традиционного исторического исследования. Работа выполнена с привлечением архивных материалов Государственного архива Ставропольского края. Используются хронологический, историко-сравнительный и описательный методы. **Анализ.** Значимость рассматриваемого вопроса определяется тем, что миссионерская работа развивалась не только как инструмент государственной политики в регионе, но и как ответ на религиозные запросы населения, играло важную роль в укреплении православия. В контексте общеимперских процессов авторы анализируют изменения в подходах епархиальных властей к вопросам работы миссии. **Результаты.** В ходе проведенного анализа выявлено, что епархиальная политика по отношению к

миссионерской работе не была статична, а претерпела значительные изменения в ответ на социокультурные условия региона и религиозную политику. Демонстрируя компромиссный характер органы епархиальной власти, смогли сохранить высокий статус православной церкви на Северном Кавказе.

Ключевые слова: история Русской Православной Церкви, Северный Кавказ, просвещение, ересь, раскол, миссионерская деятельность, епархиальный миссионер

Для цитирования: Немашкалов П. Г., Ермаков В. П., Мельников В. В. Правила и практика работы епархиального миссионера в конце XIX – начале XX вв. (на примере Ставропольской епархии). // Гуманитарные и юридические исследования. 2026. Т. 13. № 2. С. 269-276. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.2.11>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 21.01.2026

Статья одобрена после рецензирования: 15.04.2026

Статья принята к публикации: 30.04.2026.

Research article

RULES AND PRACTICES OF DIOCESAN MISSIONARIES IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES (BASED ON THE STAVROPOL DIOCESE)

Pavel G. Nemashkalov^{1*}, Viktor P. Ermakov², Viktor V. Melnikov³

¹ Stavropol State Pedagogical Institute (417A, Lenina St., 355029 Stavropol, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor

paul_2@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0874-3661>

² Pyatigorsk State University (9, Kalinina Prospekt, Pyatigorsk, 357532, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Professor

history@pgu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8906-3774>

³ North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

vivmelnikov@ncfu.ru; <https://orcid.org/0009-0009-4338-8619>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The article examines the organization of diocesan missionaries in the late 19th – early 20th centuries, using the Stavropol Diocese as an example. The study analyzes the regulatory framework that defined the foundation of missionary activity. The problems and difficulties in organizing the institution of diocesan missionaries are examined. The inconsistency of their activities, which contributed to instability in the organization of schism and sectarianism prevention, is demonstrated. **Materials and Methods.** The article rests on

objectivity and historicism and employs traditional historical research methods. The work utilizes archival materials from the State Archives of the Stavropol Krai. Chronological, historical-comparative, and descriptive methods are used. **Analysis.** The significance of this issue is determined by the fact that missionary work developed not only as an instrument of state policy in the region but also as a response to the religious needs of the population, playing an important role in strengthening Orthodoxy. In the context of general imperial processes, the author analyzes

changes in the approaches of diocesan authorities to missionary work. **Results.** The analysis revealed that diocesan policy toward missionary work was not static, but underwent significant changes in response to sociocultural conditions in the region and the religious policy. By demonstrating a compromise approach, diocesan authorities were able to maintain the high status of the Orthodox Church in the North Caucasus.

Keywords: history of the Russian Orthodox Church, North Caucasus, education, heresy, schism, missionary activity, diocesan missionary

For citation: Nemashkalov PG, Ermakov VP, Melnikov VV. Rules and Practices of Diocesan Missionaries in the Late

Введение. На Северном Кавказе, территории которого входили в юрисдикцию Кавказской кафедрой, епархиальная консистория в конце XIX – начале XX вв. была вовлечена в обширную и сложную, а между тем, по большей части, совершенно бесполезную переписку по делам совращения в раскол или ересь, иногда и переход в магометанство. Данная переписка начиналась с обращения приходских священников, поскольку многие из них не были знакомы в этом вопросе с действующими нормами и положениями закона о расколе.

В 1887 г. в Москве состоялся первый Всероссийский миссионерский съезд. В его повестку вошли вопросы выработки эффективных мер противодействию сектантства и обмен опытом между епархиями в разрешении данных проблем. На съезде были высказаны предложения, носившие крайний характер: например, о лишении гражданских прав родителей-сектантов и изъятии у них детей. Данные предложения вызвали протест в печати, что побудило Синод разработать «Правила об устройстве миссий и способах действия миссионеров и пастырей по отношению к раскольникам и сектантам». Сделанный шаг означал формализацию внутренней миссии и её организационное внедрение в епархиальную структуру. Миссионеры в ряде епархий освобождались от приходских обязанностей и сосредоточились исключительно на миссионерской работе.

Материалы и методы. Исследование основано на принципе междисциплинарности. Обращение к периодической ведомственной печати Русской Православной Церкви, с опорой на нормативные руководящие акты, что дало возможность сформулировать концепцию органов епархиального управления в деле решения заявленной в исследовании задачи. Большая роль в сборе фактологического материала сыграли отчеты епархиальных миссионеров, которые были опубликованы в периодическом издании епархии. Особую роль при анализе проблемы в плоскости современной историографии отведено историческому контексту в рамках новой интеллектуальной истории. Опираясь на позицию классической точки зрения участия органов Церкви в разрешении вопросов миссионерской практики работы, авторы учли современные подходы, таким образом, расширив, но не про-

19th – Early 20th Centuries (Based on the Stavropol Diocese). Humanities and law research. 2026;13(2):269-276. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.2.11>

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 21.01.2026

The article was approved after reviewing: 15.04.2026

The article was accepted for publication: 30.04.2026.

тивопоставив тенденции современной историографии в понимании поднимаемых вопросов.

Анализ. В том же 1887 г., параллельно с первым Всероссийским миссионерским съездом, в Ставропольской епархии состоялся и местный общепархиальный съезд духовенства, поставивший перед собой схожие задачи. Были сформулированы инициативы, касающиеся систематизации сбора сведений о сектантской и раскольничьей деятельности, расширения сети приходских библиотек с полемической литературой, а также учреждения миссионерских станков. Важно отметить, что эти решения получили официальное утверждение архиерея, а потому легли в основу последующей институциональной миссионерской политики в пределах епархии [5, с.796-798].

В 1891 г. был организован второй Всероссийский миссионерский съезд, задачей которого стало системное изучение сектантства и формулирование богословских и административных методов противодействия его представителям. Особое внимание уделялось «рационалистическим» направлениям, таким как штундизм, баптизм, адвентизм, и др. Прозвучали призывы к изданию Библии с подстрочными толкованиями и подготовке полемической литературы для массового употребления. Съезд твёрдо заявил, что для пресечения роста сектантства необходимы меры административного воздействия. Таким образом, миссионеры фактически признали ограниченность исключительно духовных средств и необходимость содействия со стороны полиции, поскольку без участия органов порядка было невозможно «оградить православных от совращения в сектантские ереси и раскол». Главной задачей внутренней миссии была объявлена «охрана православия и всего народа от религиозных заблуждений и возвращение на путь истинной веры отпадших». При этом один из ведущих деятелей синодальной миссионерской политики, статс-секретарь Святейшего Синода В. М. Скворцов, прямо утверждал, что сектантские учения не только разрушают религиозное мирозерцание народа, но и создают почву для антигосударственных идей. Под покровом сектантского вольномыслия, по его мнению, скрывались идеи атеизма и велась пропаганда социализма [13, с.440].

Анализируя действующее законодательство рассматриваемого периода, различая ереси и расколы по степени их вреда, устанавливалась на данном основании и уголовная ответственность сектантов, которые с данной точки зрения подразделялись на три группы: 1) на секты, повреждающие веру, но менее вредные в гражданском отношении; 2) на секты, особенно вредные, как в отношении к охранению веры, так и в гражданском отношении; и 3) на секты, которые объединяют изуверство и фанатическое посягательство на свою жизнь, или в отношении других, или же сопряженные с противонаправственными низменными действиями [14, с.148-159].

Раскольники первого разряда, на общем основании терпимости раскола, не преследовались за мнение свое о вере и за совершение богослужения и духовных треб по своим обрядам, без публичного проявления раскола, что могло вызвать склонность православных в раскол. Им также запрещалось склонять кого-либо в свой раскол, под каким бы то видом совершать дискриминирующие действия в отношении православной церкви, или против её служителей. Нельзя было уклоняться по каким-либо причинам от соблюдения общих правил благоустройства установленным законодательством. Если кто-либо из раскольников вел пропаганду, направленную в отношении православных в свой раскол проповедью или сочинением, то подвергался, в зависимости от того который раз им совершалось данное деяние, более или менее строгому исправительному наказанию.

Равным образом подвергались исправительному наказанию, хотя и в меньшей степени, те, которые заведомо или с намерением:

- переманивали православных, распространяли свои проповеди и сочинения;
- издавали, приобретали, продавали и распространяли недозволенные раскольничьи книги, для употребления их в божественной службе;
- основывали раскольничьи скиты или иные общежития, строили новые и чинили старые для службы и моления по раскольническим обрядам здания, устраивали престолы в существующих уже часовнях и обращали крестьянские избы в публичные молельные дома.

Но специально для этих раскольников уголовному наказанию подвергались лишь виновные в распространении существующих уже ересей и расколов. Лица, в отношении которых было доказано заведение каких-либо новых, повреждающих веру сект, а также те, которые, по заблуждению фанатизма, осмеливались явно оскорблять православную церковь или её духовенство.

Раскольники второго разряда также не преследовались за мнение их о вере и за совершение богослужения по своим обрядам. Уголовное наказание возникало для них на основе

поступков, воспрещенных всем раскольникам вообще, они подвергались специальному уголовному наказанию не столько за совершившееся распространение своей ереси, сколько за обращение других. Им запрещалось склонять кого-либо в свою ересь, причем даже самое первое действие, состоящее в публичном проповедовании православным лжеучения, подвергало такого раскольника к ответственности за распространение раскола.

Раскольники третьего разряда, допускающие в исполнении обрядов своей ереси изуверства и фанатическое посягательство не только на свою жизнь, но и в отношении жизни и здоровья других, а также противонаправственные действия, преследовались за исполнение таких обрядов. Данные лица подвергались специальному уголовному наказанию для раскольников, а если их действия вели к убийству человека или покушение на убийство, то подобные деяния влекли и к более тяжким наказаниям, предусмотренным за данные преступления [15, с.15-26].

Таким образом, раскол сам по себе, не преследовался по законам Российской империи, а преследовались лишь его действия, направленные во вред православной вере. Исходя из чего, уклонение или соращение в раскол, для самих уклонившихся или совратившихся, имело последствием «вразумление и увещание» со стороны духовного начальства. В этих случаях только распространители раскола подвергались уголовному преследованию. Точно также и отступление от православной веры вело к наставлению со стороны духовного руководства. Уголовное преследование возникало только в отношении тех лиц, которые способствовали уходу от православия.

Некоторые представители духовенства, сталкиваясь с проблемой раскола в границах своего прихода, торопились переложить работу с ним на органы епархиального управления, игнорируя его же постановления и установленные правовые нормы. Другие представители шли по пути не поиска истины в своей деятельности, а выбирали образный путь пользы. Некоторым было свойственно заниматься подтасовкой фактов и поступаться принципами сана. В любом случае причинялся вред делу Православной церкви, подрывался авторитет в среде верующего населения.

Одним из таких примеров можно считать обращение ставропольского епархиального миссионера А. Е. Шамина по вопросу деятельности православной женской общины в станице Кавказской. В своем рапорте, адресованном епископу Агафодору, опираясь на свидетельства единоверцев, в 1898 г. он сообщал о существовании женского скита. Движимые плохими условиями жизни и набегов в 1876 г. его обитатели переселились из обвалов в станицу, к старообрядческому молитвенному дому. Семь небольших хижин были раз-

мещены на дворе казака И. В. Мурзина, и еще десять на общественной земле, граничащей с его участком. Данный скит не имел настоятельницы, со слов Шамина, управлялся лжепопом К. Осиповым и экономом, выбранным из казаков. В скиту проживало несколько женщин и девиц, по свидетельству единоверцев, которые были совращены из православия в раскол. Епархиальный миссионер их всех допросил в станичном правлении, по результатам которого требовал уничтожения образовавшегося женского поселения и его расселения [2, л.1-1об.].

Однако в рапорте благочинного церквей 21-го округа Кубанской области, священника станицы, адресованном епископу, указывалось на невозможность доказать существование старообрядческого скита в станице из-за отсутствия прямых доказательств. Скопление людей в указанном месте состояло преимущественно из старых девиц и вдов, часть из которых, по мнению благочинного, приняла монашеский постриг. Объяснялось их компактное проживание близостью к православной церкви. На допросе женщины отрицали существование скита, утверждая, что их совместное проживание, хотя и называлось в народе скитом, на самом деле таковым не являлось [2, л.11–11об.].

Отмечалось существование 15 небольших домов, причём 7 из них располагались на станичной земле, где проживали 12 пожилых женщин. Все проживающие указали на отсутствие настоятельницы или какого-либо лидера, поясняя: «живём, молимся Богу, питаемся добровольными пожертвованиями людей». В 1901 г., после наблюдения за проживающими там людьми, местный священник констатировал отсутствие с их стороны каких-либо противоправных действий в отношении православной веры [2, л.12–13]. Можно с уверенностью предположить, что указанная община являлась частью общероссийского женского православного подвижничества охватившего нашу страну в данный период. Жительницы этого стихийного поселения, которых, судя по материалам архива, было на Северном Кавказе достаточно много, были носительницами высокой православной морали. Наступающий XX в. рассматривал их как пережиток прошлого, и нес свои ценностные установки массовой культуры в российское общество.

Рассматривая действия миссионера, в которых явным образом видна попытка дискриминации верующих и необоснованное обвинение в нарушении установленных правил, необходимо понять сами принципы работы миссии. Обращаясь к данному вопросу, Н. А. Дьячкова, на основании трудов православных миссионеров, в том числе проповедей святителя Тихона Московского, составила своеобразный кодекс миссионера. В число его принципов ей было положено: обращение внимания не на внешнее делание, а на внутреннее совершенство; не идти на компромисс с совестью; не шуметь о своих подвигах, и не хвастать; приписы-

вать успех не себе, а Богу; главное в действиях миссионера было не число верующих, а качество их веры и т.д. [3, с.80–81].

Статистические данные на 1895 г. демонстрируют сложность миссионерских задач, при общем населении епархии 2,3 млн человек, почти 12 тыс. составляли сектанты, 19 тыс. раскольники, 43 тыс. мусульмане и 12 тыс. язычники [6, с.91]. Необходимо учесть, что это была официальная статистика, в отношении которой всегда нужно делать поправку на неучтенных, т.е. латентных представителей указанных течений. В ответ на эти вызовы епархиальное Ставропольское Андреевско-Владимирское братство выработало дифференцированный подход, создав четыре специализированных миссии.

Помимо постоянной работы в губернском центре, епархиальный миссионер С. Никольский в 1900 г. посетил 90 населенных пунктов, включая 31 селение в Ставропольской губернии и 59 в Кубанской области. При совершении богослужения, им были сказаны 343 беседы охранительного, от влияния сектантства, раскола и всякого лжеучения о вере и жизни, от влияния толстовских воззрений на Веру, и Церковь, и настроение жизни христианина. Миссионер провел 92 собеседования, публичных и частных, о предметах православной веры с сектантами различных фракций и с раскольниками различных толков: 35 – в Ставропольской губернии и 57 – в Кубанской области, а всего бесед и собеседований было им организовано проведено 435. География этих поездок отражала стратегический подход к миссионерской работе: особое внимание уделялось районам со смешанным этноконфессиональным составом населения и территориям, прилегающим к горским аулам [12, с. 949–950].

До своего успеха в миссионерской работе С. Никольскому пришлось пройти ряд испытаний, по большей части связанных с административными трудностями. На должность епархиального миссионера от. Никольский поступил в 1895 г., с того момента миссионерская работа получила новый подход. За период его работы с 25 августа 1895 по 25 августа 1896 гг. им было обращено из нехристиан и сектантов 20 чел., возвращено из хлыстовской секты в двух только селах 84 человека. В отношении данных заслуг по духовному ведомству он был представлен к награждению орденом Св. Анны 3-й степени [1, л.15–17].

В результате нестандартных приемов работы и форм её организации, опираясь на большой опыт в миссионерской практике, осознано и не осознано им было нарушено ряд действующих практик в Ставропольской епархии. Вследствие чего Ставропольская Духовная консистория 13 августа 1896 г. указала епархиальному миссионеру на замечание епископа, которым допускалась общая исповедь народа, но в дальнейшем и она ему была ограничена. Причи-

ной послужило обращение членов клира относительно совершения миссионером треб и молитвословий в приходах епархии по приглашению его почитателей. На что последовало заключение епископа об обязательном получении согласия местного приходского священника. Слушая данного обещания архипастырю, рекомендовал просителям обращаться к своим приходским священникам. Если возникали случаи настойчивого обращения, предлагал просить приходских священников позволить совершить ему духовные обряды в доме просителя. Иногда он сам писал просьбы дать ему утешить болящего и скорбящих о них. Некоторые просители не возвращались, другие приносили одобрительные записки, в которых ничего не имели против совершения им таинств. Исполнять ему приходилось такие требы, которые отказывались выполнять приходские священники. Епископу он писал, что «... формально виновен я в нарушении распоряжения сказанного в резолюции, но пред Богом и по совести иерея виновным себя не считаю... формально виновен я в нарушении распоряжения сказанного в резолюции, но пред Богом и по совести иерея виновным себя не считаю» [1, л.20–23об.].

Духовенство и народ встречали его радушно, с большим почетом, иногда даже с крестом и колокольным трезвоним. Всюду Никольским служились в храмах литургии, говорились с кафедры поучительные речи и велись беседы с сектантами. Беседы эти производили на народ самое благоприятное впечатление. На месте им собирались самые точные данные о сектантстве и других вероучениях в приходах, какие принимались меры со стороны духовенства [4, л.2].

Посетив не один десяток приходов за первые годы своей службы, он хорошо был знаком с обстоятельствами совершения служб и литургий. Отмечал, что в епархии единообразия совершения богослужения нет, и даже в одном приходе, при двух-трех иереях порядки разные: «Богослужение в приходах здесь на Кавказе вконец лишено благолепия: дьяконов во многих многолюдных приходах нет; псаломщики без стихарей тоже во многих приходах; обучающиеся церковно-приходских школ нигде не носят стихарей. ... А уже о уставном благолепии священнослужения даже во святом алтаре и говорить нечего – дьяконы совершают нередко божественную литургию не приобщаясь св. Тайн». В обращении к епископу просил сделать благословение архипастырского распоряжения о единообразии повсюду совершения службы в храмах: «тогда я буду первый и самоточный исполнитель ваших предписаний. Буду посещать епархию с вашим циркуляром в руках, и буду знать, как какое богослужение совершать, только исполните повеление» [1, л.40об.–42, 67–69].

В преддверии всероссийского миссионерского съезда епархиальному миссионеру от Синода поступило предложение сформулировать

вопросы для всеобщего обсуждения. При этом чиновник особых поручений просил быть откровенным и искренним в своем ответе, настаивал привлечь местную епархиальную власть, а также, миссионерские братства.

Среди этих проблем были предложены следующие темы:

- как поставлено дело борьбы с сектантством исходя из местных условий;
- какие вопросы сектоведения и миссионерства представлялось бы необходимым представить на обсуждение всероссийского съезда;
- практика принципиальных вопросов, относящихся к миссии, требующих обсуждения и разрешения их высшей властью.

Серьезной проблемой в работе епархиальной миссии стал вопрос о единоверии в Ставропольской епархии. Началось все с беседы, уже упомянутого нами миссионера А. Г. Шамина, о единоверии произнесенная в станице Темижбекской при закладке единоверческого молитвенного дома. В присутствии большого собрания народа, состоящего из единоверцев, православных и многих старообрядцев он начал свою речь словами апостола Павла: «спасение наше во Христе Иисусе заключается, не в обрядах, а в вере, сопровождаемой любовью и добрыми делами». В этой проповеди он подчеркнул, что: «Уверовавшие в Христа, в каких-либо мнениях, не касающихся догматов веры, не согласны одни с другими, то это несогласие несколько не препятствует им принадлежать к единой Христовой Церкви. ... Не излишним считаю указать на перстосложение, которое существовало в разных видах. Кирилл Иерусалимский повелевает озаглаживать крест перстами, а св. Иоанн Златоуст свидетельствует, что в его время православные христиане изображали на себе крест одним перстом. Если можно было идти через века в историю вопроса, то можно было отследить тот факт, что вселенская церковь никогда не достигала полного единства в обрядах. А имеет ли церковь российская единство в обрядах хотя бы на 18 век? ... Если случиться, что и какая-нибудь церковь будет отличаться от другой какими-либо порядками, неважными и несущественными для веры, или такими, которые касаются не главных членов веры, а незначительных, какого, например, время совершение литургии, или какими перстами должны благословлять священник и подобное, то это не должно производить никакого разделения, если только сохраняется одна и та же вера. ... Единоверие не есть какая-либо ступень к православию, но то и другое составляет одну Христову Церковь. Данным пунктом нужно руководствоваться всему православному духовенству, в особенности живущему в приходах зараженных расколом» [1, л.139–140].

Особо в своем выступлении отметил, что между православием и единоверием нет никакого различия, что как одна церковь истинна, так и

другая истинна, и что православие и единоверие есть одна церковь. Указывал необходимость разъяснить кавказскому духовенству, что единоверие не представляет какого-либо отличающегося от православия исповедания. Таким образом, церковный причт, по его мнению, заблуждался относительно единоверия, и в беседе он наставлял не только раскольников, но и с церковной кафедры учил местное духовенство относительно понимания единоверия. Подчеркнул, что только в единоверии сохранился правильный чин богослужения, сообразный уставу, резко стал обвинять Кавказское духовенство в пренебрежительном отношении совершении церковного богослужения.

Действиям миссионера Шамина от. Никольский дал следующую характеристику: «ссылаясь на слова апостола об отсутствии единого обряда при возникновении самой христианской церкви нельзя, поскольку она состояла на тот момент из разных элементов, не выбрав единой основы. Принимать другого исповедания мы можем только по снисхождению и по любви к ним и только в надежде или желания по облегчению их недугов. ... Единоверие не может стоять на равной ступени с Православием, единство церкви есть и будет догматическое и обрядовое, ступень православия так высока, что помыслить о равенстве с кем-либо немислимо и недопустимо. ... Единоверие есть нечто терпимое греко-российской церковью, под формой единоверия приняла изнемогающих в вере своих слушников. И в истории христианства христианская церковь терпеливо относилась к хранящим иудейские обычаи. Греко-российская церковь для единоверия необходима, а вот единоверие для православной церкви – нет. Спасение единоверия в Христе – через союз с Церковью, спасение Церкви в том же Христе, но не через союз с единоверием» [1, л.144 – 151об.].

Пастыри оказались глубоко унижены и оскорблены в глазах своей паствы и раскольников речью Шамина, также это можно было распространить и на все Кавказское духовенство допущенных оскорблений. По отзывам самого духовенства в работе миссионеров поражала разница бесед епархиальных миссионеров по вопросам единоверия. Священник Никольский в своих беседах был проникнут духом сожаления и любви к заблудшим раскольников, говорил с церковной кафедры о многопопечительной любви православной церкви к старообрядцам, дающей ей свое снисхождение. Получалось так, что один миссионер с церковной кафедры насаждал мир и любовь среди раскола, единоверия и православия, а другой, даже не обличенный в священнический сан, дерзал в православном храме учить и обличать не только местное, но и все Кавказское духовенство. Логичным был вопрос о сути христианской православной миссии на Кав-

казе, которая должна была действовать в духе кротости и любви.

В 1898 и 1899 гг. на страницах епархиальных ведомостей были опубликованы «Слова» [11] и «Беседы» [7; 8] С. Никольского, они также были напечатаны двумя отдельными брошюрами. Рукопись миссионера Шамина в вопросах единоверия была отклонена епископом к публикации в Ставропольских епархиальных ведомостях, после чего автор подал её на рассмотрение в издательство Санкт-Петербурга, которую и там отклонили. Самого Шамина отстранили от поездок по епархии с миссионерскими проповедями, оставили в Ставрополе для работы при консистории.

Реакция северокавказского населения на публикацию материалов бесед св. Никольского была противоречивой. Особенно остро с критикой представленных материалов к епископу Агафодору обратились представители раскола. В нем они требовали, чтобы Никольский печатно сознался в своем неправильном понимании единоверия как формы религиозного сознания и положения его сторонников в обществе. В сложившейся ситуации епископ обратился за рецензией на опубликованные материалы к преподавателям Ставропольской духовной семинарии. В подготовленном ответе Я. Сперанский указал, что не совсем согласен с Никольским в сделанных им выводах, но считал работу хорошей. В заключении отметил, что раскольники только приветствовали бы борьбу между миссионерами, из которой смогли извлечь пользу.

После всех возникших прений епископ Агафодор распорядился изъять из обращения брошюры Никольского [9; 10], напечатанные в количестве 600 экз., поскольку считал, что данная публикация выражала личное мнение автора, и она была способна в среде раскольников послужить поводом к противостоянию с православной миссией на Кавказе.

Опубликованная работа Никольского, попавшая под запрет в Ставропольской епархии, нашла своих читателей и последователей в других регионах империи. Так, в начале века в редакцию епархиальных ведомостей обратились из Уральска с просьбой отправки нескольких сто экземпляров. По их мнению, работа была полезна для лиц, исповедующих православие, в ней достаточно убедительно и грамотно было описано положение единоверия в российском обществе и отношение Церкви к нему [1, л.376 – 376 об.]. Если обобщить все сделанные выводы Никольского в данных работах, то можно сказать, что если православные, воспитанные в чинах и правилах Церкви, решат молиться по их книгам, то и это будет ступень к расколу.

Результаты. Региональная специфика Кавказа характеризуется рядом черт, в числе которых необходимо отметить институциональную устойчивость ислама, высокий уровень этноконфессионального разнообразия, наличие языческих и буд-

дийских культов. В условиях системной трансформации общественного сознания на рубеже веков, данные обстоятельства осложняли миссионерскую деятельность епархиальных миссионеров. Некоторые из них, принимая жесткую и принципиальную позицию неприятия компромисса в своей работе, получали не только широкое признание в православной пастве, но и подвергались в разные периоды административным наказаниям. Другие использовали свой статус для реализации собственных амбиций, игнорируя цели миссии, дискредитировали не только себя в глазах общества, но саму деятельность Русской Православной Церкви на Кавказе.

В этот же период произошло изменение церковной политики, целью которой стал уход от административного давления в отношении представителей раскола и сектантства к выстраиванию диалога с ними. Не все начинания в этом направлении сразу были успешными, но практика работы епархиальных миссионеров вносила коррективы в их деятельность. Результатом этой работы станет укрепление авторитета православия в регионе в условиях начинающегося падения общего уровня духовно-нравственных ценностей в российском обществе.

Литература

1. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф.135. Оп.53. Д.678 Е.
2. ГАСК. Ф.135. Оп. 56. Д.722.
3. Дьячкова Н. А. Псевдоапологетика и кодекс чести миссионера / Церковь. Богословие. История: материалы II Всероссийской научно-богословской конференции (Екатеринбург, 12 февраля 2014 г.). Екатеринбург: Информ.-изд. отдел ЕДС, 2014. С. 75-82.
4. Иногородний Местные известия // Северный Кавказ. 1896. №93 (1131). Ноябрь.
5. Историческая записка: о христианстве на Северном Кавказе // Ставропольские епархиальные ведомости. 1888. № 19. С.772–799.
6. Кавказский календарь на 1897 г. С. 91.
7. Никольский С. Беседа, сказанная по освящении единоверческого храма Святыя Живоначальныя Троицы в станице Тамизбекской, Кубанской области // Ставропольские епархиальные ведомости. 1899. №23. С.1241–1255.
8. Никольский С. Беседа, сказанная по освящении единоверческого храма Святыя Живоначальныя Троицы в станице Тамизбекской, Кубанской области // Ставропольские епархиальные ведомости. 1899. №24. С.1293–1304.
9. Никольский С. Единоверие ступень к православию Ставрополь-Кавказский: Типолитография Т.М. Тимофеева, 1899. 27 с.
10. Никольский С. Православие и единоверие в их взаимоотношениях. Ставрополь-Кавказский: Типолитография Т.М. Тимофеева, 1898. 15 с.
11. Никольский С. Слово, сказанное при освящении молитвенного дома в честь Пресвятыя Богородицы для единоверцев в станице Темизбекской, Кубанской области // Ставропольские епархиальные ведомости. 1898. №22. С.1134–1146.
12. Отчет о деятельности Ставропольского Андреевско-Владимирского братства за 1900 г. // Ставропольские епархиальные ведомости. 1901. №17. С.948–957.
13. Смирнов Н.А. Миссионерская деятельность Церкви (вторая половина XIX в. – 1917 г.) // Русское православие: вехи истории. М.: Изд-во политической литературы, 1989. С. 438–462.
14. Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Изд. 5-е. СПб: Типография М. М. Стасюлевича, 1886. 714 с.
15. Устав о предупреждении и пресечении преступлений: с разъяснениями по Уложению о наказаниях изд. 1866 г. и по Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. М.: Типография Т. Рис, 1872. 159 с.

References

1. State Archives of Stavropol Krai (GASK). F. 135. Inv. 53. D. 678. (In Russ.).
2. GASK. F. 135. Inv. 56. D. 722. (In Russ.).
3. Dyachkova NA. Pseudo-Apologetics and the Missionary's Code of Honor in Church in *Theology. History: Proceedings of the II All-Russian Scientific and Theological Conference (Ekaterinburg, February 12, 2014)*. Ekaterinburg: Information and Publishing Department of EDS, 2014. p.75-82. (In Russ.).
4. Inogorodny. Local News. *Severnyj Kavkaz*. 1896;(93). (In Russ.).
5. Historical Note: On Christianity in the North Caucasus. *Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti*. 1888;(19):772-799. (In Russ.).
6. *Caucasian Calendar for 1897*. Tiflis: [s.n.], 1897. 91 p. (In Russ.).
7. Nikolsky S. A Sermon Given at the Consecration of the Old Believers Church of the Holy Life-Giving Trinity in the Stanitsa of Tamizhbebskaya, Kuban Region. *Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti*. 1899;(23):1241-1255. (In Russ.).
8. Nikolsky S. A Sermon Given at the Consecration of the Old Believers Church of the Holy Life-Giving Trinity in the Stanitsa of Tamizhbebskaya, Kuban Region. *Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti*. 1899;(24):1293-1304. (In Russ.).
9. Nikolsky S. *Edinoverie – a step towards Orthodoxy*. Stavropol-Kavkazsky: Typo-lithography of T.M. Timofeeva, 1899. 27 p. (In Russ.).
10. Nikolsky S. *Orthodoxy and Edinoverie in their relationship*. Stavropol-Kavkazsky: Typo-lithography of T.M. Timofeeva, 1898. 15 p. (In Russ.).
11. Nikolsky S. A word spoken at the consecration of the prayer house in honor of the Most Holy Theotokos for the Edinoverie in the village of Temizhbebskaya, Kuban region. *Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti*. 1898;(22):1134-1146. (In Russ.).
12. Report on the activities of the Stavropol Andreevsky-Vladimir Brotherhood for 1900. *Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti*. 1901;(17):948-957. (In Russ.).

13. Smirnov NA. Missionary Activity of the Church (Second Half of the 19th Century – 1917) in *Russian Orthodoxy: Milestones in History*. Moscow: Political Literature Publishing House, 1989. p.438-462. (In Russ.).
14. Tagantsev NS. *Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885*. 5th ed. St. Petersburg: M. M. Stasyulevich Printing House, 1886. 714 p. (In Russ.).
15. Charter on the Prevention and Suppression of Crimes: with Explanations on the Code of Punishments of the 1866 ed. and on the Charter on Punishments Imposed by Justices of the Peace. *Moscow: T. Ris Printing House, 1872. 159 p. (In Russ.).*